

ИВАН ТУРГЕНЕВ: ГЕНИЙ МЕСТА

Кто бы знал, как трудно быть писателем в самом литературном крае России! В любом другом месте ты отвечаешь лишь за самого себя, а у нас прежде всего нужно хранить наследство и крепить традиции. А как же? – не каждому выпало счастье жить и творить на родине Тургенева! Вживешься – пройдешь эпигоном, взбунтуешься – дураком выйдешь. Тургенев – наиболее хрестоматийный из русских классиков, и этот факт, с одной стороны, создаёт богатый общекультурный контекст, поддерживающий на плаву любого орловского литератора, но, с другой стороны, снижает амбиции и сужает рамки текущего литературного процесса. Ни железная воля Лескова, ни темные аллеи Бунина не в силах увести традицию из-под неодолимого влияния гения места.

Современная литература противоборствует Тургеневу, как бы решая от обратного *проблему классики*. Из всех корифеев Золотого века Тургенев наиболее подходит для

амплуа *благородного отца*, и потому разрушительная интенция *эдипова комплекса* новых иконоборцев направлена скрытым образом прежде всего против него. Тургенев – эталон стиля, который надо держать в уме, по которому следует сверяться в сомнительных случаях. Однако творческое начало современности замеряется отступлением от канона, – и тут Тургенев отдыхает. Это если не естественно, то по крайней мере, объяснимо. Эстетическая система Тургенева принадлежит к типу закрытых, законченных: ей можно подражать, но продолжать нельзя, да и не нужно. В мир Тургеневаходишь как паломник, почтительно и почти благоговейно – и отдаляешься с сожалением... скорее, облегчив душу, чем отяготив сознание. Перечитывая знакомые с детства романы, проникаешься счастливым чувством, что есть места, куда можно всегда возвращаться в спокойной уверенности, что там ничего не изменилось, и даже забытая перчатка всё так же покоится на ломберном столике.

Иван Тургенев... роскошная красота бабьего лета русской литературы. Последняя зрелая красота, – которая вот-вот соскользнет в болезненную красоту золотой осени. Классицизм, застывший в прощальном жесте на пороге собственного мавзолея. Безупречная речь отдает мраморным холодком бессмертия. Фраза Тургенева так хорошо скроена и так надежно отлажена, что хочется утвердить ее в качестве стандарта для всей словесности. Но всякое ее дальнейшее развитие в этой манере чревато манерностью. Красивая фраза – вот неистребимый корень модернизма, неизбежно процветающего на перенасыщенной аллюзиями культурной почве. Уже на поздние сочинения самого Тургенева порой тянет отозваться цитатой из него же: *Иван Сергеевич, не говорите красиво*. Тургеневым создана самая совершенная проза на русском языке, – и в силу этой завершенности опасно балансирующая в грациозном равновесии на грани банальности. Чему свидетельством его «Стихотворения в прозе», столь восторженно принятые за образец ранними декадентами. *Senilia*: старческая сентиментальность уходящего гения. Все немного слишком. Настолько возвышенно духовное, что уже почти безвоздушное; вроде бы то же высокое и чистое чувство, но чуть-чуть перегретое, слегка перезревшее, немного приторное. То, что порой сквозило в его письмах, – претенциозность, стилизация, некая экзальтация чувств и игривость слов, – теперь, по слабости человеческой, просочилось в литературу. Многие считают, что этот слезливый старик, перебирающий засохшие лепестки давно увядших роз, и есть Тургенев.

Да ничего подобного. Настоящий Тургенев – настоящий великан, стесняющийся своего роста и смущающийся от своего таланта. Он может все, но хочет чего-то другого. Ему тесновато среди всех. Иногда кажется, что великие современники недолюбливали Тургенева. Герцен настороженно

сторонился, Щедрин подозрительно косился, а Толстой так вообще хотел стреляться. Достоевский высмеял его в «Бесах» в образе Кармазинова. Нечестно, немилосердно, несправедливо. Занял, шельма, полсотни талеров, продул их в рулетку – и вот так отплатил, злой карикатурой! Стыдно-с, Федор Михайлович, не по-божески это! Ну да, хотел Иван Сергеевич, очень хотел всем нравиться, а молодежи особенно, – так велик ли грех? Ведь он же при всем при том никому не угождал и душой не кривил, и через то наживал наряду со славой неперемные неприятности. При жизни ему не везло с критиками, а после смерти с исследователями. Тургенев – центральная фигура пантеона русской литературы. (Центральная – не значит: главная). Это самый непонятый из наших классиков. Потому что самый умный и самый ясный. То переоцененный, то недооцененный, но всегда гонимый критикой под ту или иную тенденцию, Тургенев вызывал недоумение и недовольство общественного мнения тем, что не ставил и не решал вечных вопросов. Иван Тургенев поразительно для русского гуманиста деидеологичен. В самом деле, Гоголь – учитель, Достоевский – пророк, Толстой – мессия, а Тургенев – кто он такой? всего-навсего великий писатель... ну, знаете ли! Это как-то не по-русски...

Неудача Тургенева в роли властителя дум не случайна. В его драматической биографии и литературной судьбе как ни в чем другом выразился перманентный кризис русского либерализма. Глубокие впечатления в нашем менталитете оставляют лишь радикальные идеи. Или революция, или реакция. Свобода, равенство, братство – или самодержавие, православие, народность. Особость Тургенева как его особенность хорошо обосновал Исайя Берлин в статье «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов». *Средняя линия весьма уязвима, опасна и неблагодарна. Сложную позицию тех, кто в пылу битвы хочет по-прежнему говорить с обеими сторонами, часто толкуют как мягкотелость,*

обман, оппортунизм, трусость. <...> Дилемма морально чувствительных, честных и интеллектуально ответственных людей в период острой поляризации мнений стала с его времен еще острее и распространеннее. И в этом плане Тургенев настолько же актуален, насколько злободневна для нас проблема взаимопонимания.

Либерал среди консерваторов и реформатор меж радикалов, холодный скептик для идеалистов и опасный мечтатель для прагматиков, Тургенев не дался в оборот ни одной из господствующих идеологий, и потому вытеснен в истории идей во второй ряд национального иконостаса. Что не мешает нам его читать и почитать в числе самых надежных заступников русского человека перед судом истории. С ним мы спокойнее и увереннее в себе. Тургенев осуществил в родной литературе поэтическое измерение нашей прозы, как Гоголь – метафизическое, Достоевский – экзистенциальное, Толстой – онтологическое. Объяснить поэтическое труднее всего, если вообще возможно. Волшебное обаяние и завораживающий шарм тургеневских страниц в литературоведческом анализе исчезают, и оттого в зеркале критики его лик кажется плоским и (в юбилейных акафистах благоговейных филологинь) даже постным. Гений места становится бесплотным духом, туманом в сюртуке и облаком в панталонах. Разве это – Тургенев? Да нет, мы опять обознались...

Тургенев – утонченный варвар, романтический скептик, смятенный ум и мятущая душа, русский медведь с манерами светского льва... кто он на самом деле? Испанский писатель Хуан Эдуардо Суньига в книге «Загадка Тургенева» создает сложный и сумрачный образ писателя, лишенный привычного нам хрестоматийного глянца: *Перед нами раскрывается жизнь, исполненная скрытых страстей, тяжких дум и несбывшихся надежд.* Чему сам Тургенев дает немало оснований, проговариваясь в письмах и воспоминаниях о невзгодах

воспитания и слабостях натуры. *Рос я дурно и невесело...* Что томило его и срывало в бегство от самого себя, что угнетало его стремление к счастью? – *И желание и страх жизни.* Личность Тургенева не может быть определена однозначно. Но и в этой сложности своей он сложен иначе, чем равновеликие ему современники. Он не апория, как Гоголь, не парадокс, как Достоевский, не противоречие, как Толстой, он – двойственность. Как бы един в двух лицах: сам за себя и против тоже. И эта двойственность, мучительная для жизни, стала счастливой для творчества. Тургенев не может выбрать удобную для защиты идейную позицию – и не хочет выбирать. Его взгляд на суть вещей обладает той объективностью, что равно чужда поклонению и поруганию. Оттого так выразительна жизнь в его изображении. Особенно жизнь в высшем ее проявлении – в любви. Пожалуй, впервые после Катулла он различил в любовной страсти два нераздельных и неслиянных чувства: нежность и ненависть.

Что такое эти прославленные тургеневские женщины? Инкарнация романтического идеала в образцах и образах? Вот уж нет! Это, если хотите, реванш стихийных сил в сердцевине утонченной культуры. Вечная женственность выходит из хаоса и затягивает все наше мужество в тихий омут всепоглощающей страсти. Песнь торжествующей любви звучит как траурный марш. Любящему нет пощады, а любимому нет избавления. Страшнее и трагичнее этой мучительной страсти только ее отсутствие. Что мог добавить к этому сексуальному фатализму Фрейд? Разве что всякие пикантные мелочи...

Иван Сергеевич Тургенев, вечный владелец Спасского, полномочный представитель Орловского края в мировой культуре, волшебник слова и гений места. Неприкаянный гений... Вот он, запертый веком в родовой усадьбе, мается от одиночества и не хочет ничего от людей. На тысячу верст

кругом – Россия, родной край, и за тысячу верст отсель – Европа, чарующая чужбина... А от края до края – бесприютная тоска. Что за несчастный жребий – быть серединой меж крайностей! *Какая-то тайная и глухая тоска, от которой я не могу избавиться и которую ничто не может рассеять* (из письма к Полине Виардо).

Россия и Виардо: вот две силы, раздирающие меж собой узорный покров его жизни. Две грезы, две темы, две музы... не сумевшие дать ему ни счастья, ни покоя. И та, и другая подавали ему надежды, но отказывали в близости. Брали щедрые дары его, а самого в расчет не брали. С тем он и умер. С тем и вошел в бессмертие. Тургенева изучают в школе и, представьте себе, читают после, – без нужды и принуждения. Так что его книги пользуются уверенным спросом. Время от времени театры ставят его пьесы, и, надо сказать, с устойчивым успехом. Не забывают классика кинематограф и телевидение. Тургенев – мировой бренд, и на его родине его имя ставится первым в мартирологе великих земляков, поминаемых в памятные дни. Так было, так есть и так будет, – доколе великий и могучий русский язык будет сакральной гарантией российской истории. Больше, чем долго – всегда.

В течение юбилейного года на родину Тургенева в разумном множестве будут приезжать его читатели, – организованными группами и дружескими компаниями, а также поодиночке. Чтобы побывать в Спасском, и поклониться знаменитому дубу. Чтобы проникнуться естественной прелестью русской провинции, где гений места соразмерен масштабу бескрайнего неба и созвучен духу непреходящего времени...

ПРОМОТАВШИЕСЯ ОТЦЫ И ОБМАНУТЫЕ ДЕТИ

Представьте себе, что Евгений Васильевич Базаров, герой известного романа, умер вовсе не так, как вы думаете. Иван Сергее-

вич Тургенев, знаменитый на всю Европу литератор, знал свое дело отменно, и чтобы превратить нехитрую житейскую историю в интеллектуальный бестселлер, героя своего, к тому же не любимого, он охотно принес в жертву романтическим ожиданиям. В романе фабула доведена до катарсиса. На самом деле, представьте себе, все было куда как обыкновеннее...

Получив афронт, Базаров пошел в запой, как и полагается русскому разночинцу. Год-другой не просыхал, уж руки дрожать начали, да попалась ему как-то в руки книжица... Догадываетесь, какая? Правильно. Роман «Отцы и дети», сочинение И. С. Тургенева. Тут его такое зло разобрало, что хотел он было автора на дуэль вызвать, пить начисто бросил, чтоб руке твердость вернуть. Адрес сочинителя поехал узнавать у Одинцовой. Тут-то все и случилось. Покурилась Анна Сергеевна еще чуток, как положено *эмансипирее*¹ – да и пошла за него замуж. Потом, правда, пожалела – да куда уж было деваться: сын родился. Назвали Сергеем, в честь покойного деда. Воспитывали его сами понимаете как... В тех же черновых заметках Тургенев отмечал, что Базаров *с отцом обходился по-панибратски; с матерью не без насмешиливости*. То же и Сереженька. Балованным, надо сказать вырос. Отцовской плебейской закваски стыдился, материнской старомодной экстравагантности стеснялся. Правду сказать, от рук совсем отбился. Отцу было не до него: захваченный в годы реформ общественным подъемом, он сделал неожиданно хорошую карьеру, а когда при Александре III оказался не у дел, найти с сыном общего языка уже не сумел. Сергей Евгеньевич был, к полному разочарованию отца, что называется светским хлыщом и полным циником. Унаследовав материнское состояние, он пустил его по ветру, и после скоропостижной смерти

¹свободной, пренебрегающей условностями (франц.): термин из лексики тургеневской среды.

отца, доживал век на его трудовые деньги. В ранней молодости Сергей Евгеньевич как-то глупо женился и даже родил сына, названного в честь знаменитого романиста Иваном, но с женой скоро разъехался и чаду своему никакого внимания не уделял. Иван Сергеевич Базаров рос угрюмым и замкнутым. Отца тихо ненавидел за бездушность и молча презирал за никчемность, и, должно быть, в пику ему бросил курс университета и ушел в революцию. Скрываясь в подполье после неудачного покушения на какого-то несчастного царского сатрапа, Иван сошелся с хозяйкой конспиративной квартиры, которая родила ему близнецов, названных в честь прадедов, Василием и Сергеем. Век им выдался тот еще... Оба сынка отцовского идейного (а другого никакого не было) наследия не приняли. Старший, Василий, кончив гимназию, пошел вольноопределяющимся на случившуюся кстати германскую войну, где сразу выделился из сверстников острым базаровским умом и решительностью, и по фронтовым обстоятельствам скоро вышел в офицеры. Не то младший. С той же холодной яростью отрекаясь от романтической революционности отца, в начале века загнущегося в знаменитом Орловском каторжном центре от скоротечной чухотки, Сергей подался к большевикам. Дороги братьев пересеклись только однажды – осенью 1919 года под Орлом. Старший командовал эскадрой ахтырских гусар, разбивших вдребезги наспех сколоченный рабочий отряд, а младший, член Реввоенсовета 13 армии, приказал расстрелять уцелевших пролетариев как дезертиров. Так в испуганных глазах безмянных жертв братоубийственной войны в недобрый час встретились их отражения. Дальше их пути расходятся навсегда. Одному суждено пропасть на чужбине, другому дома. Сергей Иванович Базаров, наверняка вошедший в историю гражданской войны под партийным псевдонимом, был в годы

террора репрессирован и скончал жизнь в северных лагерях. Сын врага народа, опять же Иван, рожденный в годы НЭПа, от отца своевременно отрекся, и этот разумный шаг дал ему возможность с честью погибнуть за *Родину, за Сталина* в августе 1943 года на подступах к Орлу. Вдова недолго плакала над похоронкой. Надо было жить, растить и ставить на ноги детей – малолетних Ивана, Евгения и Василия. Безотцовщина... Что с ними стало? Иван вступил в партию и вышел в начальники. Евгений спутался со стилистами и спился с круга. Василий стал диссидентом и по иронии судьбы отсидел первый срок в том же лагере, где сгинул дед. В августе 1991 Иван и Василий оказались по разные стороны баррикады у Белого Дома, а Евгений по пьянке путч ГКЧП попросту пропустил. Их же дети, перечислять которых нет никакой надобности, вошли в ум в годы перестройки и на всю предыдущую историю смотрят с полнейшим равнодушием. Наследственный базаровский нигилизм дождался, наконец, подходящей эпохи и воплотился в полноте в несколько частных историй в новорусском стиле...

Вот такая долгая присказка. Что же до сказки... На сказки я не мастак. А вот мораль из этого сюжета – если в нем есть моральное содержание – стоит попытаться извлечь. Даже если она, эта самая мораль, будет сильно отдавать нигилизмом.

Вышеизложенная измышленная генеалогия суть простая проекция течения отечественной истории на вероятную семейную хронику нескольких поколений русской интеллигенции. Своего рода социологическая модель, на которой можно продемонстрировать некоторые закономерности общественного развития. А именно: стержень русской истории последних столетий представляется как цепь разрывов. Конфликт отцов и детей, то хронический, то острый, периодически сотрясает основы общества. Каждое последующее поколение строит

свое самосознание на отрицании предыдущего. Такая вот трагическая наследственность. Своего рода *эдипов комплекс* русской истории. Естественный протест молодости против устаревших обстоятельств места и времени принимает радикальные формы и происходит как сыновний бунт.

Посмотрите по школьному учебнику, как менялось направление всей русской жизни от Анны Иоанновны к Елизавете Петровне, от Екатерины Второй к Павлу Первому, как по-разному правили три Александра и два Николая. Досадное отставание от передовых стран Запада подстегивало правящие элиты то форсировать прогресс, то сворачивать с большака на особый русский путь. Доведение всякой разумной идеи до крайности приводит к дискредитации каждой эпохи и, как следствие, к дискретности истории. Устаревшая риторика отцов вызывает у детей рвотный рефлекс. Первым, кто почувствовал этот алгоритм разрывов, был гениальный поэт Михаил Лермонтов: *Богаты мы, едва из колыбели, // Ошибками отцов и поздним их умом...* Перманентный спор отцов и детей тащит общество из одной крайности в другую. Если история, как полагали классики марксизма, развивается по спирали, то на каждом витке нашей истории как бы происходит срыв резьбы. Вот и теперь... Поколение next² делает все возможное, чтобы отделить свои надежды от дискредитированных идеалов доинтернетной эпохи, – провести виртуальную границу в историческом времени. И не просто границу, а между; больше того – мертвую зону.

*И прах наш с строгостью судьи и гражданина
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

Так из века в век великая нация истощается в бесплодном противоборстве встречных векторов. В этом ракурсе отечественная

история просматривается как гибридная гражданская война. Не братоубийственная – отцеубийственная. Все мы, носители протеста, в той или иной мере жертвы эдипова комплекса, которым мотивировано коллективное подсознание. Мне скажут: не суди по себе... а кого мне еще отдавать на судебную экспертизу, если не себя? Увлеченный курсом юношеского максимализма, я был стихийным экзистенциалистом, бунтовавшим против догматов коммунистической веры своего отца. Отца больше нет, социализма тоже. Отец теперь я. И сверстники моей дочери смеются мне в лицо, когда я исповедую им свое кредо. Они не понимают меня. Я не понимаю их. Я не нахожу с ними общего языка. Я чувствую себя ничемным старым хреном; мой горький опыт им ни к чему. Опыт экзистенциального бунта против великих идолов прошлого века, оплаченный ценой утраченного времени, мало применим в новой информационной войне, где границы здравого смысла становятся линиями фронта. Не мытьем, так катаньем, не атакой, так осадой, радикальные идеалисты нетрадиционной ориентации постепенно захватывают господствующие позиции в мировом информационном пространстве.

Вот они идут навстречу... заметьте: навстречу, а не вслед – агрессивно выставив жующие жвачку челюсти и расправив табуированные плечи... новые варвары, сильные и жестокие, смотрящие сквозь нас и начинающие свою жизнь через нас. Я молча уступаю им дорогу. Проходя мимо, эти новые нигилисты небрежно оттирают с тротуара старика, выгуливающего крепенького малыша. Дед, ветеран напрасного труда, вполголоса ругается им вслед и с любовью смотрит на внука. Вот вырастешь, малыш, и отомстишь за меня...

²следующее (англ.).

ОЖИДАНИЕ ПРОШЛОГО

*Когда вы будете в Спасском,
поклонитесь от меня дому,
саду, моему молодому дубу,
родине поклонитесь...*

И.С.Тургенев

Из письма Я.П.Полонскому

Я знаю, что ты с годами не обо мне жалела,
просто душа, как кошка, с голоду ошалела.
Ты наведалась в прошлое, но там никого
не застала,
только, забытые в спешке, свалены как
попало
тени,
и прелые листья засорили ступени
дома, где мы когда-то жили... нет –
обживали
пятый угол в избушке, в нашенском
Буживале.

О моя ненаглядная! О моя золотая!
Анальгин аналогий от ностальгии глотая,
ты в зеркалах гадаешь, бледные губы крася,
на тургеневских женщин: Лиза? Елена? Ася?
Ты бы хотела спрятаться в маску
и оголиться, –
но поводок морали с годами укоротили
угрызения совести. (*Страшный сон нигилиста о царевне-лягушке, сделавшей харакири*).

Карты воспоминаний раскладывая
пасьянсом,
ты на меня гадаешь с сожаленьем неясным:
как же так, между прочим, выперли нас
из рая?
Карты воспоминаний бережно перебирая,
словно послушник чётки, словно пастух
гармошку,
запоздало смакуешь каждую сладкую
крошку...
Не знаю, как остальные вмещают прошлое, –
я бы
сравнил свою ностальгию с вареньем из
райских яблок.

В старости, выцветая в тон потускневшим
краскам,
классик писал в печали: *Когда вы будете
в Спасском...*
Мы там были с тобою; проторённой тропой
топали по аллеям, смешиваясь с толпой
поклонников старого стиля, в полупоклоне
тупо

обмиравших у дуба;
а в закоулках парка, в углах глухих
и тенистых,
литературоведы прятались от туристов.

Когда вы будете в Спасском читается,
между прочим,
как обращенье к потомкам: *Когда вы будете
в прошлом.*

Синтаксис не позволил сказать о том
откровенно.

Медленно истекало время, как кровь
из вены.

Солнце померкло в полдень, и скептик
вспомнил о Боге.
Боже правый, зачем же нет обратной дороги
в сад, где райские яблоки ворохом, возом,
кучей...

На имение времени негде составить купчей.

Ностальгия не выход; это тупик, в котором
эхо низводит музыку к паузам и повторам,
телодвижения к позам, выражения

к маскам:
*когда вы будете в Спасском... когда вы
будете в Спасском...*
что, заело пластинку? Боже мой, сколько
пыли

в застоявшемся воздухе! Исполдволь
подступили
дни на голодной диете, ночи на анальгине.
Ожидание прошлого – вот синдром
ностальгии.

Эти места, где раньше мы, как умели, жили,
заселили другие, не такие, чужие.
Минное поле памяти – особая зона риска.
Невозвращенцев в сознание вычеркнет
врач из списка
подлежащих лечению и выпишет справку:
умер.
Напряжение тока крови в висках как
зуммер;
это вызов. Ты скажешь: *Да, это я,* – на это:
... ждите ответа... ждите ответа... ждите
ответа...

Смутный внутренний голос врёт нам как
сивый мерин,-
голос, лишённый горла, посторонним
не слышим:
лучше терпеть лишения, чем оказаться
лишним...
Только тот настоящий рай, который
потерян.
Так полагал Набоков, ностальгений
столетья.
Боже, сущий в молитве на правах
междометья –
Боже, дай сил изгоям, сделай полегче
путь им!
Когда вы будете в Спасском... Мы-то уже
не будем.

Не звони мне с вокзала. Как сие
ни прискорбно,
физика доказала: время анизотропно,
то есть,
нигде не купишь билет на обратный поезд
до остановки Бастыево; от неё через поле
версты четыре, не боле...
Что ж ты кусаешь локти? Страсти
отбушевали.
Легче на встречной телеге добраться
до Буживаля.

Я почему-то верю, что в вертограде рая
вечность как день в деревне, где наша хата
с края,
где «возлюбите» помадой подчёркнуто
на скрижали,
где ангелы, как махаоны, перелетают
лужайки,
где ни слезы, ни печали, ни воздыхания
ветра
от Лутовинова поля и до Кобыльего верха, –
лишь переключка птичья да в перелеске
крики:
Господи, земляники-то! Господи, земляники!

Варенье из райских яблок не бывает
прогорклым.
Сон по завалам памяти бродит, как
по пригоркам
края, где в перспективе сходятся кои веки –
в зарослях иван-чая, там, на Кобыльем
верхе,
на перекрёстках парка, в голубых луговинах,
или в аллее, где в полночь является
Лутовинов...
Когда ускорение времени выбросит нас
из круга,
наши с тобой фантомы там будут искать
друг друга.
Мы потеряли время, словно просрочили
вексель.
Грустно, дружок; ну что же... мир не так уж
и весел;
если в его основе россыпь случайных чисел,
жизнь удалась хотя бы тем, что она
случилась.
Но, может быть, ностальгия – это
предошущенье
не возвращенья к старому, а нового
превращенья?
Спи, дружок, доверяя сон свой волшебным
сказкам:
жили-были однажды... когда вы будете
в Спасском...